

Н. Д. МОРДВИНОВ ОБ АКТЕРСКОМ ИСКУССТВЕ



Я хочу играть современную роль. Хочу играть большую, современную советскую тему, получившую талантливое воплощение в драматургии. На практике знаю, что контакт со зрительным залом наиболее силен именно в современной роли. Он жарче и быстрее возникает. А наше актерское дело в том и заключается, чтобы воздействие было наиболее полным и быстрым, потому что в следующую секунду, как я кончил играть,— моего искусства уже не существует. И сам актер воспринимается на больших, волнующих сегодняшнего зрителя мыслях и страстях, выраженных в законченной художественной форме.

Значительную часть сил я отдал классическим ролям. Мне думается, что большие гуманистические произведения, заключенные в классическую, совершенную форму, их неспокойный, ищущий, зовущий, будоражащий дух тоже воспитывают человека, а к тому же прививают вкус к совершенному. Ведь настоящее воплощение классики бывает тогда, когда в классике найдено созвучное, современное, не музейное, а живое.

Поэтому, очевидно, нет у меня различия между моей жизнью и жизнью образа. Подлинная жизнь так тесно переплетается с жизнью образа, что я порою перестаю понимать, где одно, где другое. Живешь мыслями, чувствами, думами образа, а из настоящего черпаешь, как из живого ключа из-под камешка, материал для жизни в образе. Очевидно, если бы я вздумал писать о себе, я не мог бы писать разное о себе как о человеке и как об артисте.

Для каждого автора, каждой пьесы я ищу разную форму. Не люблю использовать в роли то, что играл раньше или что делает другой. Нет одинаковых людей. А повтор создает предпосылку к лени и вялому существованию в искусстве.

Если кому-то западет в душу то, чем я волновался, что хотел достичь, о чем думал,— мне тогда радостно, я счастлив, я ликую, как будто не роль сделал, не спектакль сыграл, не провел хорошо концерт, а выиграл сражение, где «побежденные» довольны и благодарны мне за их «поражение»...
«С вами на сцену выходит

15 февраля исполняется 75 лет со дня рождения выдающегося советского актера, народного артиста СССР Николая Дмитриевича Мордвинова.

Мордвинов вошел в историю советского театра и кино как художник героической темы, пламенной романтики, высокой трагедии. Его привлекали в искусстве яркие, незаурядные характеры, большие мысли, глубокие чувства.

Широкое признание зрителей получили созданные им образы Отелло, короля Лира, генерала Огнёва в спектаклях Театра имени Моссовета, Котовского и Богдана Хмельницкого в одноименных фильмах и многие другие.

жизнь или Вы из жизни выходите на сцену»,— пишет мне военный журналист подполковник Барinov.

«На Вашего Забродина похож мой отец; «Я знаю такого Забродина»,— слышу я по поводу образа кадрового рабочего, которого сейчас играю в Театре имени Моссовета в пьесе И. Штока «Ленинградский проспект».

Такая узнаваемость дорога каждому актеру.

Я давно жду и готовлюсь к большой советской роли, к большому, содержательному характеру, чтобы поговорить с моим зрителем по душам,— он не хочет меня знать иначе, чем в разговоре по душам, и за это я ему благодарен, ему доверяю, на него надеюсь. Не зная того, он поддерживал меня в те минуты, когда мне в жизни приходилось туго.

И вот драматург Шток предлагает мне этот разговор. Я не сразу понял возможности роли, но чем больше работал, тем шире раскрывалось поле для разговора по душам и о главном.

Наше дело очень трудное, и те, кто думает, что жизнь актера легка и безоблачна, думают

так без основания. Создать достоверный образ—дело чрезвычайной сложности, и порою в этом поиске не помогают ни горячее желание, ни опыт, ни способности. В математике 2+2 всегда равно 4. В искусстве при одних и тех же слабеющих результат может быть и 3 и 5!..

Забродина в одном лице я не наблюдал, отдельными же гранями характера знаю по многим, с кем дружил или встречался. Кстати, такого, каким я представляю его себе, труднее увидеть. Он прост. Его неброская сущность трудно наблюдается, она действительно скромна, и разговаривать с таким человеком нелегко, не каждому он раскроется; но зато в труде—а труд для него нравственная гигиена—он сверкает ровным, устойчивым блеском хорошо полированного металла. Его большие, тяжелые руки могут выполнять ювелирной точности работу, а душа при этом поет, как будто он не вытаскивает детали, а сочиняет песню.

Я встречался с такими людьми. Это люди большого благородства, природного такта, которыми с такой щедростью

награждает человека русская земля. Мне хотелось в простом, именно в простом, неброском человеке раскрыть все богатство природы русского человека, советского человека, с его малыми и милыми заботами дома, с его большой общественной ответственностью в жизни, которая стала его плотью и кровью без признака декларативности.

Я знаю таких Забродиных, посмотрел их, подслушал, догадался. Против обыкновения я легко и изобретательно работал над ролью, фантазировал с радостью и свободно, награждая образ накопленным материалом и тем, что рождалось заново. Легко находились и грузная, сильная фигура, и тяжелые рабочие руки, походка, голос, манера говорить. Мне вновь и вновь хотелось рассказать и о нашей красивой, широкой, с большой амплитудой интонаций речи, и о широкой русской душе, о человеке большом и славном, о человеке хотя и обыкновенном, но бесконечно дорогом.

Публикация подготовлена
О. К. МОРДВИНОВОЙ.

...Играть современную роль